

Литература

с **Дмитрием**
БЫКОВЫМ

Бабушка

Содержание

От автора 3

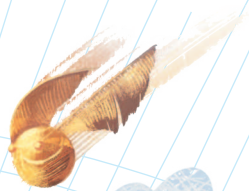
Муми-тролли в ожидании
катастрофы 5

Алиса в стране взрослых
и детей 49

«Хроники Нарнии»:
что в шкафу? 83

Властелин колец 109

Про Гарри Поттера 129

От автора

Странный вопрос «Зачем нужна литература?» никогда не приходил мне в голову. Литература — одно из самых увлекательных проявлений человечности, если понимать под человечностью набор способностей и чувств, никому больше на земле не присущих. Если есть некоторое количество людей, умеющих и любящих рассказывать увлекательные истории либо петь песни, под которые легче ходить, работать и просто выживать, — значит, эти люди должны достигать в своем ремесле наибольшего совершенства. Человек так устроен, чтобы стремиться лучше всех делать свое дело. А дело это может быть каким угодно — хоть выпиливание, хоть выжигание, хоть завязывание бантиков. **Трагматика — это ведь скучно.** За последние сто лет многие мыслители (особенно убедительно — Набоков и Чуковский) показали, что, во-первых, больше всего пользы приносят вещи, не предназначенные для извлечения прибыли и получения выгоды. А во-вторых, сама природа многократно перекрывает своей изобретательностью, избыточностью и творческой фантазией грубые потребности прокорма или мимикрии. Вообще есть такой антропный принцип, открытый во второй половине XX века: **мир придуман таким, чтобы человек его оценил.** Ну, это я грубо пересказываю. Бабочка такова не для того, чтобы ей проще было притворяться листочком, а чтобы человек ею залюбовался. Для этого же звезды и пейзажи. Литература для красоты, которая и есть самый надежный источник всякого блага. Эстетика — мать этики, и она во всех отношениях лучше, потому что этику и совесть вообще легко уговорить. А с эстетикой все просто: либо человек умеет писать, петь и

рассказывать, либо не умеет, и тогда ему лучше заняться чем-то еще.

Но если уж этот идиотский, прямо скажем, вопрос — зачем литература? — возникнет в чьей-нибудь особенно заумной голове, такому человеку можно ответить вот что. Литература — единственный способ человечества думать о себе, отслеживать свой путь и делать выводы о собственной природе. Литература — самый долговечный вид творчества: «Ржавеет золото и истлевет сталь, крошится мрамор — к смерти все готово. Всего прочнее на земле печаль и долговечней — царственное слово», сказала одна из самых красивых и умных женщин в истории. Литература вообще единственное, что остается от истории, от всех кровопролитий, великих глупостей и великих подвигов. Поэтому нет ничего важнее законов, по которым она существует, сюжетов, которые она придумывает, сказок, которые она рассказывает, чувств, которые вызывает, — все в мире существует только для того, чтобы в нее попасть. Если ты попал в литературу — как автор или герой, неважно, — тебе уже никуда из нее деться, и можно считать, что тебе колоссально повезло. Иначе ты канешь бесследно и сам не поймешь, зачем сюда пришел.

В литературе есть три главных человека: писатель, умеющий ее делать, читатель, умеющий ее воспринимать, и критик, помогающий им обоим понять, где они ошиблись. Мне колоссально повезло — я сочетано в себе три эти профессии. Мне кажется, это такое редкое счастье, что я просто обязан им поделиться. Обещано, что по прочтении этой книжки вы ощутите себя такими же счастливыми, как я.

Книги Туве
Янссон о муми-
тролях

Муми-тролли в ожидании катастрофы

Сейчас, когда Туве Янссон исполнилось 100 лет, трудно поверить, что когда-то я ее видел, разговаривал, задавал вопросы, был в ее мастерской в Хельсинки. Встречу эту устроил финский журналист Петер Искало. Мы знали, что Туве Янссон мало кого принимает. Не оттого, что она заносится, а потому, что лично отвечает на все детские письма, которые к ней приходят. И поэтому у нее практически нет времени заниматься ни собственной прозой, ни встречами, но поскольку первая книга, которую я прочел в своей жизни, в пятилетнем возрасте, была **«Муми-троль и комета»**, Петер довел этот факт до ее сведения и она согласилась нас принять. **Она была похожа на подростка**, в ней совершенно не было ничего от прославленной женщины и от доброй сказочницы — тем более.

Астрид Линдгрэн, которая до конца своих дней была похожа на девочку-хулиганку, тоже, в общем, не производила впечатления патриарха, или матриарха.

Но, надо сказать, что в Туве Янссон не было ничего детского по большому счету. Внешность у нее была скорее подростковая, короткая седая стрижка, довольно встрепанная. Перед каждым ответом она надолго серьезно задумывалась. И говорила тихо, печально и музыкально. И мне необычайно приятно было от нее узнать, что **мумитроль первоначально был похож** на того предка муми-тролля, чей портрет висит в доме, на это страшное длинноносое худое существо. Ведь только потом, как она сказала, он приобрел «тамми». От нее я и узнал слово «тамми», которое означает «пузцо». Он обзавелся пузцом, как символом доброты, хотя предок всех муми-троллей, которого **она нарисовала как героя газетных карикатур**, был крайне зол. Но, обзаведшись пузцом, он примирился с миром и сделался добрым.

История зарождения сказок о муми-тролле была довольно сложна, потом мы поговорим еще вообще о том, откуда взялась Янссон, ее удивительная прозаическая манера, как появился этот **лучший, на мой взгляд, сказочник XX века**. Но история мира муми-троллей такова: Янссон встретила в лесу молодую мать, которая вела куда-то маленького мальчика. И ей показалось, что это ужасно грустно, что нет ничего грустнее, чем маленький мальчик, который с абсолютным доверием идет за мамой в лес, а маме и самой страшно. А куда они идут, она не понимала, не знала. Как выйти из этой ситуации? Надо что-то придумать. Наверное, они ушли в лес не просто так, наверное, они ищут папу. Что еще можно искать в лесу? А почему же папа от них ушел? Не может же быть, чтобы он их бросил. Нет, он их не бросил, конечно. Он ушел путешествовать, потому что всякий папа рано или поздно понимает, что сидеть дома нельзя. Как справедливо замечает **Муми-мама**, от долгого сидения у муми-троллей затекают лапы. Он уходит куда-то и начинает странствовать. А в процессе странствий, конечно, попадает в катастрофу. Но тут и приходит мама и его спасает.

Сначала она странствует по лесу и всех спрашивает, не видел ли кто **Муми-папу**. Существо, примерно вроде нас, но как помнят

те немногие люди, кто читал **«Маленькие тролли и большое наводнение»**, это самая первая сказка про муми, там у всех муми-пап, и у нашего конкретно муми-папы, есть одна привычка, которая отличает их от всех остальных. Что же это за привычка, по которой папу всегда опознают? Он прячет хвост в карман. Это делает его немного смешным, но дело в том, что хвост для муми-тролля — очень серьезная вещь. И он очень его бережет. Это такой символ достоинства. **«Клянусь моим хвостом!»** — это самая страшная клятва муми-троллей. Поэтому самый смешной эпизод в «Муми-тролле и комете», когда профессор говорит: «Смотрите, какая большая комета, клянусь моим хвостом!» У профессора же нет хвоста, и в этом, собственно, заключается юмор.

Кстати у Сниффа тоже есть очень важная деталь — уши. Если Снифф чего-либо касается ушами, он начинает пищать: «Ах, такие большие опасности, для такого маленького зверька, как я!»

Муми-папа находится, и после большого наводнения муми-тролли начинают осваивать долину. Долину, которая расчистилась в результате наводнения.

Как же получилось, что Туве Янссон, дочь скульптора, успешная карикатуристка, газетчица, замечательная художница, чья живопись, фрески украшают многие общественные здания в Финляндии, как вышло, что **она вошла в мировую литературу** как автор восьми гениальных сказочных повестей, ну, и еще четырех книжек-комиксов?

Конечно, она сама всегда страдала от того, что ее воспринимали только как создательницу «Муми-троллей». Дело в том, что она написала еще очень неплохой роман, **«Город солнца»**, и несколько очень недурных книг-сказок, фантастических рассказов, притч. И некоторые ее рассказы, такие как **«Серый шелк»**, наверное, могут украсить любую антологию европейского готического рассказа.

В общем, если бы не было муми-троллей, она была бы замечательным художником, чудесным писателем, но муми-тролли съели все. Муми-троллями расписаны самолеты компании Finnair. Муми-долина — самый посещаемый музей в Финляндии.

Муми-тролль — самый продаваемый сувенир в Хельсинки.

Муми-троллями пронизан абсолютно весь финский быт, и когда вы входите в любой магазин, первое, что бросается в глаза (мне, как фанату, это всегда было маслом по сердцу), — невероятное количество этих меховых муми, которые запечатлены во всех абсолютно ситуациях, там и мумрики, и хемули, и мюмлы. И разумеется, **отличительная черта Муми-папы** — это всегда **цилиндр**, а **Муми-мамы** — **сумка или передник**. А у **фрекен Снорк** — естественно, **браслет на лапе**, по которому ее всегда опознает Муми-тролль.

Конечно, происхождение муми-сказок значительно сложнее, чем мы можем подумать. И сами муми-сказки гораздо тоньше, необычнее, чем основной корпус сказочных текстов XX века. Надо вам сказать, что, когда возникает вопрос, есть ли у человечества будущее и преобладает ли в человеке добро или все-таки зло, для меня очень существенный аргумент — **муми-сказки**. То, что Туве Янссон, с ее невероятно прихотливой фантазией, с ее очень горькими, сложными, грустными сказками, то, что она **стала кумиром всех детей мира** (а любят ее, между нами говоря, даже немножко больше, чем

Астрид Линдгрен), потому что уж за очень болезненные, за очень тонкие струнки она умудряется нас ущипнуть, тот факт, что этот писатель **стал абсолютным героем XX века**, наводит на мысль о том, что этот век не был проигран.

И хотя по сегодняшним меркам все, что любят в жизни муми-тролли — уют, добро, здравый смысл, поэзию, — все это совершенно не в тренде. Тем не менее, когда мы читаем первую страницу любой сказки Туве Янссон, мы немедленно погружаемся в этот мир и хотим в нем остаться как можно дольше.

Сама Туве Янссон на вопросы о причинах своей популярности всегда отвечала: «Просто **Муми-дол — это дом, в котором все хотели бы жить**. Это просто дом, в котором мы жили в детстве, и поэтому нам так тяжело возвращаться в пустые дома нашего детства». Но, конечно, причина не только в этом. Причина в сочетании уюта Муми-долины и грозного мира, расстилающегося вокруг. Все существует на этом страшном разделении. Потому что мир муми-сказок — это грозный, страшный, печальный мир. Мир после мировой войны или перед мировой войной, но это в любом случае мир-катастрофа. А **Муми-долина** — это зерно, такое **ядро мира**, которое невозможно никаким образом разрушить.

Точнее всего это описала другой вечный подросток, на которую по голосу и интонации очень похожа Туве Янссон. У **Новеллы Матвеевой** есть знаменитая песня «Ветер», о большом ветре, таком, что «зажечь спичку, на ветру взглядом, остановить птичку». Гвоздь под этим ветром сам входит в стену, корешок редьки выкопался и врос в другую грядку. Такой ветер, что, кажется, конец мира настал. Но чем все разрешается? «Какой большой ветер, ах, какой большой вихрь, а ты глядишь нежно, а ты сидишь тихо, и никакой силой тебя нельзя стронуть, скорей Нептун слезет со своего трона». Сущность мира — это все-таки не ветер, сущность мира — это уютное ядро Муми-дола.

И конечно, основа мировоззрения Туве Янссон — **это взгляд человека, который родился в год самой страшной войны**, в год Мировой войны, и первую свою сказку выпустил в 40-м году. Строго говоря, написала она ее в 38-м и сама стала иллюстрировать. И по-настоящему мир Туве Янссон — это мир сорокового года, начало самых катастрофических событий для Финляндии. И происхождение этого мира довольно понятно.

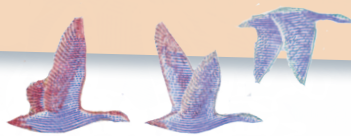
Сейчас многие с некоторым даже недоверием воспринимают идею о том, что когда-то скандинавская литература была впереди планеты всей.

Когда-то главными во МХАТе были постановки «Пер Гюнта» Генрика Ибсена, спектакли по пьесам Гамсуна. Ведь Гамсун, с его «Голодом», с «Таном», с «Викторией», с «Мистериями», впоследствии с «Плодами земли», был самым читаемым европейским писателем в России.

Стриндберг, самый знаменитый, любимый Блоком и ненавидимый Розановым, безумец, с его знаменитой «Красной комнатой», с «Фрекен Жюли», с «Сонатой призраков».

Я уж не говорю об ибсеновской «Норе» и вообще об ибсеновской драматургии, которая и в камерных психологических драмах, и в мистических поэмах, вроде «Бранда» или «Пер Гюнта», была самым мощным фактором влияния на русскую литературу.

Ну и, конечно, Сельму Лагерлеф знали во всем мире далеко не только как автора «Чудесных приключений Нильса», огромной книги, задуманной как путеводитель по Скандинавии.

Конечно, и норвежская, и датская литература, не забудем, что **Белинский** восторженно рецензировал романы **Андерсена**, еще не зная его сказок, и шведская литература, и финская музыка сибелиусовская, и знаменитая финская «Калевала», которая была источником вдохновения для множества русских поэтов, и, что еще значительнее, — для художников. Все это создало феномен так называемого **северного модерна**, теснейше связанного с фольклором. Он весь расцвет из сумрачного фольклора норвежских лесистых гор, троллей, Доврского деда.

Кстати

Действительно, в слове «троль» до сих пор нам слышится что-то родное. И конечно, не благодаря муми-троллям. А тому, что пришло к нам из детских сказок. Мы привыкли, что **троль из норвежской мифологии** — это существо уродливое, но, в общем, добродушное. Троль — персонаж норвежского фольклора, пещеры троллей — все это, конечно, пришло из «Пер Гюнта». Ибсен, в общем, напрасно полагал, что «Пер Гюнта» смогут по-настоящему понимать одни только норвежцы. Конечно, григговская музыка, изумительный

Solveig

миф о вечном, таком туповатом, веселом, не-
уклюжем страннике, который глубоким старцем
возвращается, а его ждет вечная женствен-
ность, **вечная Сольвейг** — ничего более трога-
тельного нельзя придумать.

И если мы будем искать основу
сказок Туве Янссон, то она, конечно,
здесь. Потому что **Муми-тролль** воз-
вращается домой откуда угодно, и мама
его ждет и узнает его любим, и фрекен
Снорк его ждет (если только она с ним не
пошла). Куда бы ни пошел Муми-тролль,
этот **герой финских сказок, написанных по-
шведски**, где бы он ни оказался, все равно
его всегда ждет Муми-долина, ворчливый
папа, добрая мама, плаксивый Снифф и
так далее. И куда бы ни ушел **Снусмумрик**,
ему всегда есть, куда вернуться.

Помимо тесной связи с фольклором, от-
личительная черта северного модерна — его
очень мрачный колорит. Тут ничего не поде-
лаешь.

Я вообще категорически настаиваю на
том, что **детская сказка не должна быть
веселой**. Андерсен, который создал архе-
тип северной сказки, а может быть, архе-
тип вообще всех сказок XX века, совер-
шил маленькую революцию в этом жанре.

